Если бы это не было возможно, Целиастина бы никогда не вернулась. Не было бы места, к которому бы она принадлежала.

«То, что ты говоришь ... прямо сейчас ...»

Асьют сказал это уклончиво, будто ему лгали.

«Ты лишила жизни многих людей. Что бы ты ни сделала, эти люди не вернутся к жизни. И после этого, ты говоришь, что хочешь начать всё сначала? Но, начнёшь сначала лишь только ты, ибо у мёртвых нет такой возможности»

Ей было больно слышать это всё. Она понимала, что он говорит правду. Но ведь Целиастина уже лишала себя жизни. Она закончила свою жизнь собственными руками, так, что у неё не было бы возможности “переделать” многие вещи. Но даже так, она не смогла умереть потому что она была единственной «святой» этого мира.

(Тебе, наверное, было больно, да, Целиастина?)

Глубокая боль пробежалась по её груди. Это было вторым“я”, которое плакало в глубине души.

“Переделать” всё было очень эгоистичной идеей, но, по крайней мере, она не хотела покидать Целиастину.

«Святая не может умереть».

После этих слов Асьют поднял голову, словно ошеломленный.

(Поэтому я здесь. И самое малое что я хотела бы сделать это -)

«Я хочу, чтобы люди, которых я встречу были счастливы. И тебя я тоже хочу осчастливить, Асьют.»

Пока она это всё говорила, она ужасно нервничала. Было очевидно, что в ответ она получит не самую положительную реакцию Асюта.

"Осчастливить?"

Вполне ожидаемый голос, холодный как лёд.

«О каком счастье ты говоришь?»

Это был весьма тяжелый вопрос. Счастье Асюта. Что же ей сказать?

«... Например, эм, мы собираемся пожениться в будущем, не так ли? Но, в данный момент для тебя это является чем-то неизбежным, неизбежно плохим. И мы попробуем сделать так, чтобы наши отношения были полны спокойствия, или, по крайней мере, не мучительны».

«В высшем обществе фиктивный брак ради политики является обыденной вещью. В данном случае искать глубинный смысл в браке - глупо».

«Я думаю, иметь приятные дни в своей жизни обязательно, будь ты художник или аристократ».

«Очевидно. А если бы такие дни были бы возможны в моём случае, цены бы им не было. Но даже если таких дней не будет, брак, который обязан состояться - состоится».

«То есть ты хочешь сказать, что ты сдался? Ещё даже ничего не случилось, не гони коней. Я буду стараться, чтобы понять твои чувства, Асьют, хотя бы самую малость»

"Нет, спасибо. Я считаю, что такие усилия будут напрасны, попробуешь ты или нет. Даже если ты действительно хочешь что-то сделать, я буду признателен тебе, если оно меня касаться не будет».

«Это ...»

Юна встала в ступор.

«Этот брак – во благо государства. Когда ты вошла в королевский дворец, мы обменялись обетами на церемонии помолвки. И, в возрасте двадцати лет, мы проведем церемонию бракосочетания. Сделав это, эта страна продолжит жить дальше в мире и процветании. Ничего более в этом браке нет.»

«Мне не нравится суть твоих мыслей!»

«Скорее всего ты никогда не поймёшь мысли тех, кто с момента рождения был воспитан рассказами о том, как ему придётся похоронить своё счастье ради государства».

«Я ...»

«Тем не менее, я тоже не могу понять твой образ мышления. Почему, после того как ты занималась такими ужасными вещами ты думаешь, что сможешь быть открытой со мной и дружелюбной?»

Юна не могла сказать что-то против. Она и не хотела быть открытым и дружелюбным с ним, но всё же глядя на него, она поняла, он говорит о каком-то действии, которое никогда не может быть прощено. Но что же именно она сделала? Она хотела спросить, но, чувствуя сильное отторжение Асьюта, и то как он бы не дал ей дойти до корня всех проблем, Юна могла только проглотить свои слова.

“..... П-прости меня. Я лишь хотел прийти и узнать, как ты поживаешь.''

Будто чувствуя свою грубость, Асьют неожиданно отвел глаза. Когда она увидела это, Юна закусила губу. - Он не собирался с ней дружить. Он даже не собирался ничего с ней обсуждать. Он даже не хотел пересекаться с ней взглядами. Это был тотальный отказ.

Асют вежливо опустил голову и вышел из комнаты.

«С того времени, как они родились, они были воспитаны рассказами о том, что всё должно было быть сделано ради государства».

Когда Юна сидела в одиночестве, Юна снова и снова крутила слова Асьюта в своём сознании, а затем заметила что-то.

Ответственность на его плечах. Это давление. Этот сокрушительный вес-...

Прямо сейчас, Юна очень хорошо понимала, как же это больно быть жертвой стереотипа. Стереотип, от которого она бы не могла убежать, как и будучи собой, так и в теле Целиастины. Ей казалось, что она постепенно ослабевала, и в конце концов она бы исчезла, даже не оставив следа. Юна хотела, чтобы кто-то, даже один человек, смог увидеть ее. Не так как сейчас

смотрели бы на неё, но увидели бы в теле Целиастины «её». С одной стороны, она старалась изо всех сил быть как Целиастина, но, с другой стороны, у нее тоже были чувства.

Неужели чувства Асьюта были такие же?

С того момента, как он родился, он был назначен Первым Святым Рыцарем и вырос таким. Это давление было непостижимым. Возможно он даже сам не знал кем он был. И, когда он бы перестал бы быть Первым Святым Рыцарем, в тот же момент исчез бы он сам.

Она была уверена, что Асьют всегда старается не подводить чужие ожидания о себе. Его достойная внешность и твердая личность были совершенно изумительными. Он обладал лучом света, которым должны обладать те, кто стоят выше всех. Не один раз в своей прошлой жизни до Юны доходили слухи о Первом Святом Рыцаре. Он был умным, он был искусен в фехтовании, он поддерживал короля и был ему можно было доверять. Его внешность была не такой, как у обычного человека. Но это были не просто слухи. Даже Юна, чья связь с ним была все еще поверхностной понимала, что он отличный человек.

Но ведь не бывает идеальных людей.

(И это немного странно).

Было бы лучше, если бы она понимала всё. Ведь человек всегда должен отказываться от того, что ему не нравится. Чувствовала ли она себя ребёнком, думая так? Неужели в этом мире не всё так просто?

Даже если бы это причиной, она считала неправильным принимать необоснованную боль, делая что-то вроде женитьбы на женщине, которую ненавидишь от всего сердца. Это ведь так просто сказать: «Я не хочу». Во-первых, он должен просто это произнести. А дальше всё уже пойдёт так, как должно пойти.

Появилось чувство, подобное гневу и начало набирать наполняться как пузырь.

Возможно это была злость в свою сторону. Быть злой на себя, говорящей людям разные вещи из-за ее необузданных чувств, но, в конце концов, не в состоянии решить собственные проблемы. Её просто смели прочь. Её поглотил сильный поток ветра...

Однако, если бы она сдалась сейчас, это значило что она бы потеряла все возможности, которые возникли бы в будущем. Включая будущее спящей и раненной Целиастины. Если она продолжить бороться не сдаваясь, возможно, в один прекрасный день Целиастина будет в состоянии бороться с прошлым. То же самое было бы для неё. Она хотела быть в состоянии принять этот момент как страдание, и что это страдание было чем-то, что сделало ее сильнее.

-Даже если следующий момент будет последним, она его примет как есть.

~~~

На следующий день, во время чаепития, появилась служанка, которую Юна видит впервые.

«Меня зовут Наша, и я буду вашей служанкой с сегодняшнего дня, леди Целиастина».

«Я ... Мне приятно с вами познакомиться».

Девушка по имени Наша была молода, примерно в том же возрасте, что и Целиастина. Из-за
~~~

нервозности казалось, что она вообще не двигалась и стояла ровно. До текущего момента у Юны не было служанки, обслуживающего ее полный рабочий день, и поэтому это была неожиданная встреча, но даже такая простая возможность с кем-то познакомиться осчастливило её.

"И мне тоже приятно познакомиться."

После того как Наша произнесла эти слова приветствия, Юна улыбнулась до ушей, и у Наши расширились зрачки от удивления.

«Наша».

Горничная стоявшая позади Наши тихим голосом её обругала.

«Я извиняюсь, леди Целиастина. Наша только начала работать здесь, поэтому, пожалуйста, простите ее грубость.»

«Прошу прощения!»

Наша, которая, казалось, поняла, что ее отношение было неправильным, побледнела и опустила голову. Юна начала отнекиваться, маша руками.

«Нечего извиняться! Не надо слишком серьёзно к этому относиться с первого же дня, у тебя ещё будет время привыкнуть, хорошо?

«Д-да. Большое спасибо."

«Наша, как давно ты пришла на эту работу?»

«Прошла неделя, миледи».

«Тогда ты всё ещё учишься всему. Тебе, наверное, тяжело.»

«Д-да.»

«Ты тут работаешь на проживании?»

«Д-да.»

“Я вижу. Твой дом настолько далеко?”

«Нет, я живу неподалёку, моя леди».

«Ах, тогда тебе повезло что ты можешь вернуться домой. Это хорошо."

«Д-да.»

……Всё безнадёжно. Разговор не на чем было построить. Казалось, что Юна устроила допрос. Наша, казалось, нервно отвечала на её вопросы словом «да», и поэтому заставлять её разговаривать не есть хорошо. Юна улыбнулась, а затем осторожно закончила разговор.

Пока они пытались разговориться, старшая горничная успела закончить все приготовления к чаю.

«Вау, такие красивые пирожные!»

Юна с энтузиазмом подняла голос, когда были поданы пирожные. Это были настолько красивые пирожные, что, просто посмотрев на них можно было наесться.

«Мне всегда было интересно, как они делают такие красивые пирожные. Аххх! Наша, ты умеешь готовить сладости?»

Когда Юна выдвинула эту тему, Наша начала делать быстрые движения.

«Эм, я!? Мне больше нравится их есть, чем готовить.»

Это был прямой ответ.

Поняв, что сказанное ею было неуместно, Наша покраснела и посмотрела вниз.

«Всё в порядке. Я бы тоже предпочла их есть. Давай в следующий раз вместе поедим и сделаем сравнения сладостей.»

«Д-да. Ах, нет, я имею в виду, об этом не может быть и речи.»

«…… Леди Целиастина, мы приносим извинения за то, что вы потратили свое драгоценное время на нас. Мы удалимся.»

Будто поняв, что позорное поведение Наши никак не испортит настроение святого, старшая горничная резко поклонилась и вышла вместе с корзиной. Наша, новоиспеченная служанка, сделав неуклюжий поклон и поспешно вышла после неё.

«Эта девушка, Наша, весьма приятная. –Интересно, мы можем стать друзьями?»

~~~

Пока Юна сидела взаперти в своей комнате, у неё был еще один неожиданный посетитель.

Когда она сидела взаперти, её навестил один человек, чьё появление было таким же шокирующим, как и появление Асьюта.

Жрица в темно-фиолетовых одеждах, Йодель.

По словам Линуса, она была женщиной, обладавшей высшей властью этой стране. И она ненавидела Целиастину, которая не была похожа на святую и Йодель всегда думала о том, как бы уменьшить влияние Целиастины в стране. До этой встречи с Йодель, Линус предупредил её что Йодель женщина которая будет использовать даже самые грязные пути для достижения своих целей, из-за чего тело Юны застыло, предвкушая что-то страшное.

«Как поживаешь, леди Целиастина?»

Её глаза выглядели точно так же, как и в первый раз: смотрящие прямо на Юну, пронизывающие её взглядом. Юна боялась встречи взглядами с Йодель, поэтому непреднамеренно отводила глаза.

"…… Благодарю что спросили. Я не испытывала никакого дискомфорта за время пребывания тут».
~~~

Она отвечала с максимальной осторожностью. И после её ответа, на лице Йодель появилась саркастичная улыбка.

«Рада это слышать. Если бы это было не так, то можно было бы считать, что усилия лорда Асьюта пошли бы впустую. Потому что он твёрдо сказал всему обслуживающему персоналу чтобы Леди Святая не была в плохом настроении пока находится в “заточении”.»

Юна сжала кулак. «Нечто» что заняло часть ее сердца, начало испытывать ярость. Чрезвычайно резкая реакция на Йодель. –Успокойся, успокойся. Юна повторяла это шёпотом снова и снова. Но она понимала, что в данном случае она сидит на месте и никак не контактирует с Йодель. Юна медленно встала со своего места.

«Й-Йодель, не хотите ли вы чаю?»

Она со всех сил старалась говорить спокойным голосом.

«Ты хочешь самолично заварить чай?»

«Правда я не особо уверена, будет ли он приятен на вкус».

«Тогда- я откажусь».

Юна, находящаяся перед чайной утварью, чувствовала присутствие Йодель, даже когда она её не видела. Когда Юна оглянулась, Йодел пристально посмотрела на нее глазами, полными самой открытой яростью, яростью, которая была куда больше чем в прошлом.

«Давай не будем продолжать эти попытки наладить разговор. Мы оба понимаем, это пустая трата и моего и твоего времени. Я готова уйти прямо сейчас, но… -Леди Целиастина, почему ты освободила всех из Священной тюрьмы? Я бы хотела узнать это.»

Юна вспомнила вчерашний разговор с Асьютом, и медленно повернулась к Йодель.

«…… Я …»

Она снова сжала кулак. На этот раз причина была проста. Осуждение себя. Осуждение испуганной «себя».

«Я лично своими глазами видела тех, кто страдал, и я не могла пропустить это мимо себя. Самое меньшее что я могла сделать для них – это отпустить их из этой Священной Тюрьмы».

«Почему ты говоришь так, будто это чужая проблема?».

http://tl.rulate.ru/book/13336/307771